

И.Г. Скотникова, П.И. Егорова. Переживание эпидемии COVID-19 и Устойчивость – изменчивость свойств индивидуальности в особых условиях // Личность и общество в условиях пандемии: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, Т.А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021 (в печати).

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЭПИДЕМИИ COVID-19 И УСТОЙЧИВОСТЬ – ИЗМЕНЧИВОСТЬ СВОЙСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ¹

И.Г. Скотникова*, П.И. Егорова**,

*Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии познавательных процессов и математической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: iris236@yandex.ru

**Студент, Государственный академический университет гуманитарных наук, факультет психологии; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1; e-mail: polina.egorova2102@gmail.com

Аннотация. Кратко представлены результаты онлайн-опроса о переживании людьми неопределённости в начале пандемии COVID-19, а также о принятии ими решений, особенностях саморегуляции и ряде индивидуально-личностных и стилевых свойств. Использовано восемь опросников, включавших 24 шкалы. У значительной части респондентов получены пониженные показатели гибкости саморегуляции и активности и высокие – тревожности, что объяснимо ситуацией эпидемии, карантина и самоизоляции. Факторный анализ оценок позволил выделить четыре независимых фактора: эмоциональный интеллект, саморегуляцию и бдительность, самочувствие и настроение, рефлексивность и контроль. С привлечением литературных материалов специальное внимание уделено классической теоретико-методологической проблеме дифференциальной психологии и психологии личности, обострившейся в современную эпоху стремительных перемен в жизни человечества: могут ли изменяться в сравнение с нормативными показателями индивидуально-личностные свойства в особых, нетипичных условиях, в частности, в период пандемии COVID-19 и в связи с ней. Проанализированные материалы свидетельствуют о том, что на смену парадигме инвариантности черт личности пришли представления о ее процессуально-динамической природе.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, онлайн-опрос, 24 шкалы, гибкость саморегуляции, тревожность, активность, свойства индивидуальности, устойчивость/изменчивость свойств, процессуально-динамический подход к пониманию личности.

В условиях пандемии COVID-19 практически каждому человеку приходится постоянно принимать непривычные решения по организации своей жизни в ходе уже длительной эпидемии при ограничениях и возможной угрозе инфицирования. В этот период важна диагностика индивидуально-личностных свойств и состояний людей для выяснения переживания ими пандемии, степени их дискомфорта, тревожности, уверенности в себе, характеристик саморегуляции, особенностей принятия решений, способности понимать и контролировать свои чувства и чувства окружающих в ситуации неопределенности, вызванной новым неизвестным вирусом. Перечисленные факторы, которые сопутствуют

---

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания по теме № 0138-2021-0006.

переживанию человеком этой неопределенности, необходимо учитывать для преодоления негативных психологических последствий пандемии COVID-19. С этой целью в апреле – мае 2020 г., в период острого подъема незнакомого населению заболевания мы провели он-лайн-опрос, подробно описанный недавно (Скотникова и др., 2020). Здесь мы лишь кратко характеризуем эту работу, дополнив обсуждение результатов сопоставлением их с данными исследований, опубликованных после нашей предыдущей статьи, а также рассматриваем (в ограниченном объеме этой статьи) принципиальную теоретико-методологическую проблему: могут ли изменяться в сравнение с нормативными показателями индивидуально-личностные свойства в особых, нетипичных условиях жизни людей, в частности, в период пандемии COVID-19 и в связи с ней.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 22 до 63 лет из России, Украины, Беларуси, Германии, Швейцарии, Италии, Словении, Турции, Израиля, Кипра. Выборка была небольшой (54 человека), но однородной (психологи: дипломированные и студенты) и мотивированной на опрос. Участники проходили трехдневный психотерапевтический марафон, направленный на стабилизацию эмоционального состояния в изоляции в связи с вирусом, обучение основным техникам самопомощи, поиск оптимальных в данный период сфер жизни, постановку целей на этот период. Специфика выборки заключалась в том, что психологи в отличие от других людей чаще осознают свои проблемы и обращаются за помощью, в том числе, профилактической. В силу такой специфики, а также ограниченного объема выборки, это исследование можно рассматривать как поисковое для последующего опроса на расширенной выборке. Недостаток он-лайн- опросов состоит в том, что обычно неизвестны их участники. Но это не относится к нашей выборке психологов, которых и до эпидемии одна из авторов исследования Ю.Л. Огаркова - Дубинская систематически обучала методам психотерапии. Участники прошли тестирование по 8 опросникам, включавшим 24 шкалы (их подробное описание дано в статье Скотниковой и др., 2020).

1. Шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна в адаптации Е.Г. Луковицкой (Луковицкая, 1998). Полученный суммарный балл может принимать значения от -66 до +66.

2. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП) В.И. Моросановой (Моросанова, 2004). Регуляторные процессы, изучаемые в данном опроснике представлены в табл. 1.

Таблица 1. Компоненты индивидуального стиля саморегуляции по опроснику СПП и соответствующие шкалы опросника.

Регуляторная шкала	Количество баллов		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Планирование	3 и менее	4 – 6	7 и более
Моделирование	3 и менее	4 – 6	7 и более
Программирование	4 и менее	5 – 7	8 и более
Оценивание результатов	3 и менее	4 – 6	7 и более
Гибкость	4 и менее	5 – 7	8 и более
Самостоятельность	3 и менее	4 – 6	7 и более
Общий уровень саморегуляции	23 и менее	24 – 32	33 и более

3. Русскоязычная версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Ромека (Шварцер и др., 1996). Оценки 19 баллов и меньше интерпретируются как низкий уровень самооффективности; 20–24 как уровень ниже среднего; 25–29 как средний; 30–35 как уровень выше среднего; 36–40 как высокий.

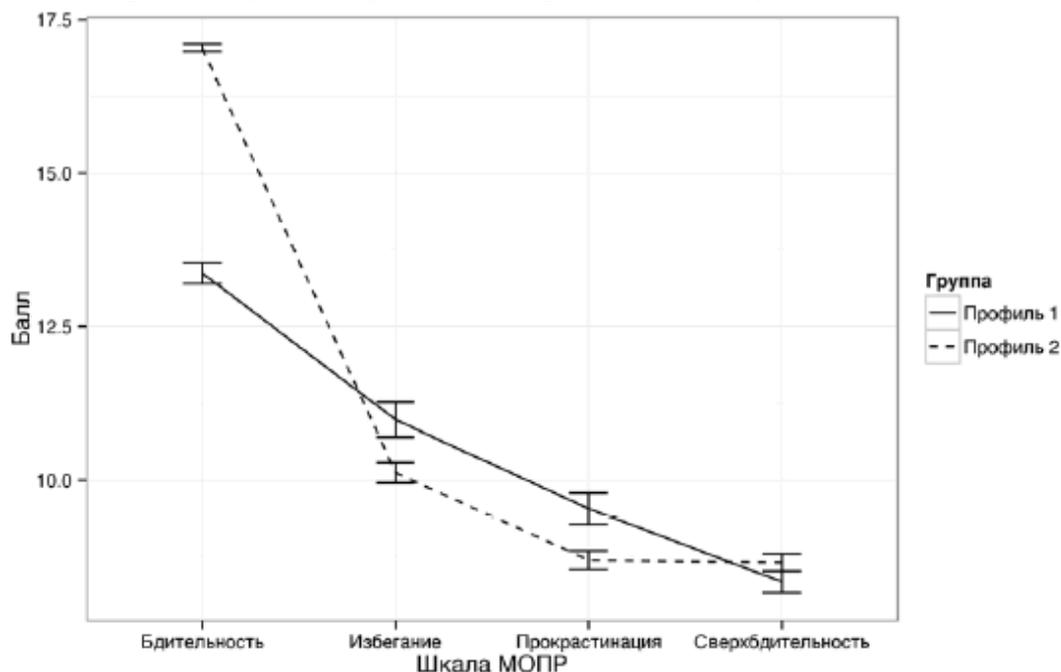
4. Шкала ситуативной тревожности из опросника Д. Спилбергера (Батаршев, 2001). Оценки до 30 баллов включительно интерпретируются как низкий уровень тревожности, 31–44 как средний уровень, 45–59 как высокий, больше 60 как очень высокий уровень.

5. Опросник эмоционального интеллекта (ЭМИН) Д.В. Люсина (Люсин, 2006, табл. 2).

Таблица 2. Шкалы опросника ЭМИН.

Шкала	Очень низкое значение	Низкое значение	Среднее значение	Высокое значение	Очень высокое значение
МП «Понимание чужих эмоций»	0-19	20-22	23-26	27-30	31 и выше
МУ «Управление чужими эмоциями»	0-14	15-17	18-21	22-24	25 и выше
ВП «Понимание своих эмоций»	0-13	14-16	17-21	22-25	26 и выше
ВУ «Управление своими эмоциями»	0-9	10-12	13-15	16-17	18 и выше
ВЭ «Контроль экспрессии»	0-6	7-9	10-12	13-15	16 и выше
МЭИ «Понимание чужих эмоций + Управление чужими эмоциями»	0-34	35-39	40-46	47-52	53 и выше
ВЭИ «Понимание своих эмоций + Управление своими эмоциями + Контроль экспрессии»	0-33	34-38	39-47	48-54	55 и выше
ПЭ «Понимание чужих эмоций + Понимание своих эмоций»	0-34	35-39	40-47	48-53	54 и выше
УЭ «Управление чужими эмоциями + Управление своими эмоциями + Контроль экспрессии»	0-33	34-39	40-47	48-53	54 и выше
ОЭИ «Общий эмоциональный интеллект»	0-71	72-78	79-92	93-104	105 и выше

6. Мельбурнский опросник принятия решения (Корнилова, 2013; рис. 1).

Рис. 1. Два профиля принятия решений. По ординате средние значения показателей для профиля 1 (более низкие показатели бдительности, более выраженные – избегания и прокрастинации; 64% респондентов) и профиля 2 (противоположный; 36% респондентов).

7. Шкала принятия себя (уверенности в себе) из опросника по оценке социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда (Фетискин и др., 2002). Оценки ниже 18 интерпретируются как чрезвычайно низкая уверенность в себе, а выше 45 как высокая.

8. Опросник САН: самочувствие, активность, настроение (Миронова, 2005). Эти характеристики тем лучше, чем выше их оценки по опроснику. Оценки выше 4 говорят о благоприятном состоянии человека, ниже 4 о неблагоприятном, норма 5,0–5,5. У отдохнувшего человека все три оценки примерно равны, у уставшего более снижаются самочувствие и активность в сравнении с настроением.

Статистическая обработка данных включала в себя оценку среднегрупповых значений по каждой шкале опросников. Для этой статьи также вычислялись стандартные ошибки средних по формуле: $SE = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$, где σ — среднее квадратичное отклонение, n — число измерений, тогда как в статье Скотниковой и др. (2020) вычислялись менее показательные меры вариативности — средние квадратичные отклонения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Показатели, полученные по всем 24-м шкалам опросников, представлены в табл. 3. Рассчитанные по шкалам баллы каждого испытуемого даны в Приложении к настоящей статье, поскольку не вошли в Приложение к предыдущей статье (там же).

Таблица 3. Показатели, полученные по всем 24-м шкалам опросников ($n = 54$).

Наименование шкалы	Среднее значение	Стандартные ошибки средних

Шкала толерантности к неопределенности Е.Г. Луковицкой	1,52	1,42
Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой:		
Общий уровень саморегуляции	44,13	1,99
Планирование	7,9	0,56
Программирование	8,6	0,63
Гибкость	5,76	0,6
Моделирование	10,6	0,84
Оценивание результатов	10,1	0,73
Самостоятельность	8,2	0,47
Шкала общей самооценки Р. Шварцера, М. Ерусалема, В. Ромека	25–40 у 87%	
Опросник тревожности Д. Спилбергера	45–59 у 48%, из них >60 у 31%	
Опросник эмоционального интеллекта Д.В. Люсина:		
МП «Понимание чужих эмоций»	22,39	0,82
МУ «Управление чужими эмоциями»	20,83	0,69
ВП «Понимание своих эмоций»	22,06	0,94
ВУ «Управление своими эмоциями»	13,94	0,61
ВЭ «Контроль экспрессии»	10,35	0,48
МЭИ "Понимание чужих эмоций + Управление чужими эмоциями"	43,22	1,38
ВЭИ "Понимание своих эмоций + Управление своими эмоциями + Контроль экспрессии"	46,35	1,73
ПЭ "Понимание чужих эмоций + Понимание своих эмоций"	44,44	1,53
УЭ "Управление чужими эмоциями + Управление своими эмоциями + Контроль экспрессии"	45,13	1,4
ОЭИ "Интегральный показатель общего эмоционального интеллекта"	89,57	2,77
Мельбурнский опросник принятия решения	Бдит. у 76%, избегание у 17%, сверхбдит. у 7%	
Шкала уверенности в себе К. Роджерса и Р. Даймонда	66,09	1,13
Опросник САН:		
Самочувствие	4,66	0,17
Активность	3,48	0,14
Настроение	4,9	0,16

1. Средние по выборке значения показателей оказались близки к средним нормам опросников по шкалам толерантности к неопределенности, общей самооффективности, эмоционального интеллекта (по 9 из 10 шкал) или были несколько выше этих норм: по шкалам саморегуляции поведения (по 6 из 7 шкал), понимания своих эмоций, уверенности в себе. Также больший процент опрошенных, чем по нормам Мельбурнского опросника, предпочитали рациональную стратегию бдительности в принятии решения и меньший процент, чем по нормам, избирали неэффективные стратегии избегания и прокрастинации. Таким образом, по данным опроса, респонденты-психологи даже в стрессогенных условиях пандемии проявили способности к саморегуляции, самостоятельному планированию и оценке поведения на высоком уровне, управлению своими эмоциями, их корректному выражению, пониманию своих и чужих эмоций, принятию рациональных решений путем выбора для этого корректных способов в зависимости от условий и принятию на себя ответственности за них, уверенному поведению. Отношение участников опроса к неопределенности в целом нейтральное, тогда как редки принятие ее, а также дискомфорт и напряжение. Возможно, эти результаты объяснимы спецификой выборки психологов. Более типичным обоснованно полагается порождаемый неопределенностью стресс, и потому повышенная толерантность к неопределенности может быть пре адаптацией к угрозам (Нестик, 2020). Разрабатывается модель понимания *дистресса неопределённости* (в отличие от тревоги, стресса или беспокойства) и управления им в контексте пандемии коронавируса. Вместе с тем, исследование канадских добровольцев в связи с пандемией H1N1 (свиной грипп) 2009 года показало, что лица, склонные к определенности, к предсказуемости ситуации с большей вероятностью воспринимают пандемию как угрожающую и сообщают о повышении уровня тревоги. Соответственно при оценке уровня тревоги важно учитывать отношение человека к неопределенности и его поведение при столкновении с ней (цит. по: Харламенкова и др., 2020).

2. У значительной части нашей выборки (48%) обнаружен повышенный уровень тревожности: 45-59 баллов, из них у 31% – крайне высокий уровень: 65,5 баллов. Как ни странно, это данные лиц моложе 40 лет. Рост тревожности и сходных состояний в период эпидемии вполне ожидаем и установлен также в других исследованиях. По данным одного из опросов, 16,5% респондентов сообщили об умеренных и тяжелых симптомах депрессии, 28,8% о средней и высокой степени тревоги, 8,1% об умеренном или высоком стрессе (цит. по: Харламенкова и др., 2020). Построена схема взаимосвязи переменных, характеризующих отношение к COVID-19: непонимание болезни и вызываемый ею страх приводят человека к необходимости оценить угрозу для жизни, а высокий уровень угрозы вызывает ощущение большего противостояния болезни и контроля над ее распространением. Ожидаемо более высокий уровень стресса и тревоги установлен у людей в дни, когда фиксировалось наибольшее число заболевших (Первичко и др., 2020). Тревога как один из главных феноменов эпидемии оказалась связанной с субъективным благополучием (снижения которого не выявлено) только за счет негативных эмоций. Уровень положительных эмоций снижался, но это, по-видимому, определялось факторами, не связанными с тревогой (Рассказова и др., 2020). В психологическом содержании тревоги, вызванной пандемией COVID-19, выделены два взаимосвязанных компонента: знаменательно, что более выраженной была тревога по поводу экономических последствий эпидемии и менее актуальным страх заражения. Именно первый

компонент чаще носил деструктивный характер, нарушая нормальную деятельность людей (Тхостов, Рассказова, 2020).

3. Данные опросника САН показали, что оценки по каждой из трех шкал выше 4 у 56% участников, что свидетельствует об их благоприятном состоянии, но у 44% оценки ниже 4 — а это почти половина выборки. При этом у более половины выборки (у 57% респондентов) обнаружены значительно более низкие оценки активности (за счет которых среднегрупповое значение составило 3,48 (SE = 0,14), что ниже среднего по Москве, по нормам опросника: Миронова, 2005), по сравнению с оценками самочувствия и настроения, где среднегрупповые значения составили 4,66 (SE = 0,17) и 4,90 (SE = 0,16), соответственно (оба значения близки к средним по Москве, по нормам опросника). Вероятно, пониженная активность связана с мерами по карантину и самоизоляции для предотвращения распространения инфекции, которые значительно ограничивают активность населения.

4. Среди семи шкал опросника «Стиль саморегуляции поведения» в 41% анкет наиболее низкие результаты получены по шкале «Гибкость», за счет которых среднегрупповое значение составило 5,76 (SE = 0,6). Хотя оно соответствует среднему уровню норм опросника: 5–7, но существенно ниже повышенных среднегрупповых показателей по другим пяти шкалам: 7,9–10,6 (SE = 0,47–0,84), при нормах высокого уровня более семи, и тем более по шкале Общего уровня саморегуляции: 44,13 (SE = 1,99), при норме высокого уровня 33 и более. У наших участников-психологов можно было ожидать хорошие характеристики всех параметров саморегуляции. Поэтому более низкая ее гибкость у 41% респондентов, в сравнение с другими параметрами, вряд ли является артефактом выборки. Видимо, людям при организации своей деятельности в ходе пандемии труднее всего подстроиться под неожиданные изменения обстоятельств, быстрое и резкое изменение эпидемиологической ситуации и следующие за этим ограничительные меры. Полученные результаты перекликаются с данными о том, что в состоянии тревоги растет приверженность ранее принятым решениям, тревога сковывает воображение и затрудняет поиск нестандартных путей выхода из ситуации (цит. по: Нестик, 2020).

5. Проведен факторный анализ оценок респондентов (Гусев, Уточкин, 2011). Как указано в разделе «Методика», в силу ограниченного объема выборки (54 респондента) и большом числе шкал (24), проведенный опрос можно рассматривать как предварительный для последующего опроса на расширенной выборке. То же относится к факторному анализу. Вместе с тем, практика проведения факторного анализа показывает, что при больших объемах выборок часто получаются низкие коэффициенты корреляций (20–30%) в силу типичной неоднородности таких выборок, которую трудно избежать. В отличие от этого, однородность выборок более достижима при их меньших объемах, что повышает коэффициенты корреляций. Именно такова однородность нашей выборки, и потому результаты факторного анализа можно полагать информативными. Выделены четыре независимых фактора: эмоциональный интеллект, саморегуляция и бдительность, самочувствие и настроение, рефлексия и контроль (Скотникова и др., 2020. Уточнение: в той статье собственные значения 1,45 и 2,02 даны для четвертого и третьего факторов, соответственно). Разумеется, полезно было бы, по возможности, для сравнения провести повторное исследование на той же выборке в более спокойное время после эпидемии.

Устойчивость – изменчивость свойств индивидуальности

Как и ожидалось, в стрессогенных условиях эпидемии отклонения от нормативных уровней обнаружено у значительной части выборки по показателям ситуационных свойств индивидуальности: ситуативной тревожности и характеристик САН. По остальным же шкалам показатели респондентов-психологов были близки к нормативным или даже лучше их, т.е., по этим параметрам участники оказались стрессоустойчивыми в таких сложных условиях. В том числе повышенными были показатели саморегуляции по шести из семи шкал опросника Моросановой. Однако в сравнении с ними существенно более низкими оказались индексы гибкости саморегуляции у 41% респондентов. Обсуждение этих результатов с коллегами, в том числе на семинарах ИПРАН по психологическим проблемам эпидемии вызвало дискуссию по важной в теоретическом и методологическом отношении проблеме устойчивости – изменчивости индивидуально-личностных свойств. Насколько позволяет объем статьи, рассмотрим эту одну из классических проблем дифференциальной психологии и психологии личности, обострившуюся в современную эпоху стремительных, и в том числе драматичных перемен в жизни человечества. Методология динамического подхода в исследованиях личности в сравнении со структурным подходом, проблема «изменяющейся личности в изменяющемся мире», теоретически рассматривается в коллективной монографии «Психология личности:», 2016», часть материалов которой кратко отражена ниже. Авторы подчеркивают, что перед современной психологией встали задачи изучения изменений личности в крайне динамичной реальности изменяющегося мира. Проследим, как смещается акцент исследований с личностных качеств как таковых на обобщенные и устойчивые изменения личности.

Во множестве типологий личности, по сути, можно вычленить две пересекающиеся дихотомии. Наиболее распространенная из них характеризует преимущественно биологически либо социально обусловленные свойства индивидуальности. Прослежено соотношение тех и других на материале разведения многими отечественными авторами, начиная от Б.Г. Ананьева (1968/2001), понятий индивида, индивидуальности, личности и субъекта (Скотникова, 2008). Четко разграничиваются категории «индивид» и «личность». Индивид (individ) — биологическое существо, организм, наделенный природными индивидуальными особенностями (и человек, и животное). Личность (personality) — системное социально-психологическое образование, где ключевые подсистемы — ценности, свобода воли, иерархия мотивов, формирующиеся только у человека и преимущественно определяющие свойства его личности. Индивидуальность понимается как интегративное психическое образование, объединяющее индивида и личность: интегральная индивидуальность (Мерлин, 1986), в которой выделены иерархические уровни организации (Русалов, 2006, 2012). Специфика категории субъекта прежде всего состоит в его понимании как активного деятеля. В продолжение этой традиции в современном варианте сопоставления двух из четырех рассматриваемых понятий за личностью признается «управляющая» роль (направленность деятельности, определение ее целей и задач), а за субъектом «исполнительская» функция их реализации (Психология личности:», 2016). Вместе с тем с позиций субъектно-деятельностного подхода, категория субъекта рассматривается как наиболее интегративная (хотя и сравнимая по объему с категорией индивидуальности), включающая все проявления человека как индивида, индивидуальности и личности (Брушлинский, 2006; Русалов, 2006). Экспериментально показано, что даже такая обычно считающаяся элементарной психической деятельностью как сенсорная имеет индивидуальный характер, и в ней, как и в любой другой, проявляется активная инициативность субъекта (Скотникова, 2008). Вместе с тем в литературе по проблеме устойчивости — изменчивости индивидуальных особенностей обычно используется понятие свойств личности.

Другая дихотомия – это диспозиционные и ситуационные свойства. Первые выделены на основе структурных теорий черт личности Г. Олпорта, Г. Айзенка, Дж. Гилфорда, Р. Кеттела (см. Terracciano et al., 2008). К ним относят параметры Г. Айзенка, 16-тифакторной модели Р. Кеттела, пятифакторной модели Р. Мак-Крэ и П. Коста («Большая пятерка») и некоторые другие. В рамках этих теорий определен качественный состав черт, характеризующихся как фундаментальные единицы структуры личности, как обобщенные диспозиции: врожденные и приобретенные предрасположенности к способам реагирования, действиям, поступкам. Такая готовность личности связана с ее свойствами, которые признавались авторами взаимосвязанными с различными аспектами жизни и устойчивыми в разных условиях.

К ситуационным свойствам относят прежде всего ситуативную тревожность и ситуативную уверенность, которые, по сути, являются состояниями. Большая стабильность признается за преимущественно биологически обусловленными свойствами личности, а также формально-динамическими характеристиками темперамента, базирующимися на основных свойствах нервной системы; большая вариативность признается за преимущественно социально обусловленными и ситуационными свойствами. Очевидно, что в особых стрессогенных условиях пандемии можно ожидать изменений прежде всего ситуационных свойств личности.

Неизменность диспозиционных свойств стала одним из направлений критики теорий черт. Исключение, пожалуй, составили черты, входящие в структуру Айзенка: экстрверсия, нейротизм и психотизм, которые в значительной степени природно-обусловлены, что обеспечивает их существенную индивидуальную инвариантность. Среди же 16-ти факторов Кеттела около половины включают социальные установки, которые формируются под влиянием условий жизни человека, и потому могут несколько изменяться при изменении этих условий: добросердечность – отчужденность, доминантность – подчиненность, обязательность – безответственность, подозрительность – доверчивость, радикализм – консерватизм, самостоятельность – зависимость от группы. То же относится к трем членам «Большой пятерки»: открытости, доброжелательности, сознательности (см. Психодиагностика..., 1986; Психологическая диагностика..., 1981; Шевандрин, 2003).

Неоднократно предпринимались попытки разработать подходы, альтернативные структурному описанию личности. Ситуационные подходы подчеркивают важность учета совокупности конкретных факторов, влияющих на проявление данного личностного свойства в рассматриваемый момент. Это динамическая психология К. Левина, процессуально-динамический подход Г. Томэ и С.Л. Рубинштейна, процессуальный характер личности, по Г. Олпорту. Основной постулат процессуально-динамического подхода – изменчивость как имманентная характеристика личности на основе ее постоянного взаимодействия с миром, контекстами ее существования, и внутренний динамизм личности, определенный взаимосвязью и взаимовлиянием ее функциональных систем (Гришина, Костромина, 2017). Процессуальный подход Рубинштейна, в том числе в психологии личности продолжили К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский и другие представители его школы. Потенциальный резерв развития личности, ее функциональный запас открывает возможность развития в разных направлениях, но создает детерминанты реализации лишь некоторых из них (Анцыферова, 1978). Ключевое представление С.Л. Рубинштейна (1997) об активности и само детерминации субъекта деятельности внесено в психологию личности при изучении само детерминированного человека в пространстве неопределенности и возможностей

(Леонтьев, 2011, 2016), неопределенности, сложности и разнообразия современной реальности (Асмолов, 2015, 2018). В ряд понятий категории «само-» включено понятие самоизменения, имеющего процессуальную природу. Самочувствие человека в современной реальности с ее вызовами неопределенности и сложности в значительной, если не решающей, степени определяется его способностью принимать сложности и изменения этого мира, его установкой на степень изменчивости либо неизменности (Гришина, 2018). Ж.-Ф. Лиотар выделяет два типа личности, проявляющиеся в условиях роста неопределенности, разнообразия и сложности: тех, кто готов принимать сложное, и тех, кто склонен к упрощению (цит. по: Асмолов, 2015). Это перекликается с полюсами когнитивной сложности и когнитивной простоты личности.

Изменения, которые претерпевает личность во временном континууме, трактуются как развитие личности. Н. Коган (Kogan, 1990) выделяет три основных теоретических подхода к его изучению. 1. Развитие личностных черт в течение детского возраста и дальнейшая их стабильность на протяжении взрослой жизни. Выявлена их возрастная динамика, обусловленная изменением социальных ролей (Roberts et al., 2006). Этапы созревания и развития индивидуальности прослежены подробно: особенности темперамента становятся устойчивыми примерно к 15 годам, черты характера немного позже, а относительная стабильность свойств индивидуальности наблюдается в период 19–40 лет (Русалов, 2012). 2. На свойства личности влияют внешние события — и регулярные, и непредвиденные. 3. Интерактивный подход: взаимодействие свойств личности и контекстов, в которых они проявляются.

Этим подходам соответствуют три типа моделей развития личности. 1. Нормативные модели обосновывают мобильность индивидуально-личностных свойств. Однако эти модели не отражают влияние на черты личности социальных событий и критических обстоятельств жизни. 2. В связи с этим разработаны ситуационные (контекстуальные) модели, описывающие изменения личности через систему отношений «личность – ситуация». Эти модели наиболее успешно описывают пространство жизненной активности человека, учитывая разнообразие обстоятельств, которыми определяется множественность траекторий динамики личности (Roberts et al., 2006). Т.е. главным фактором личностных изменений выступает не хронологический возраст, как в нормативных моделях, а социальный опыт, культура, образование, глобальные события. 3. Интерактивные модели описывают интеграцию внутренних и внешних факторов, взаимосвязи между последовательностью ситуаций и изменениями личностных характеристик. Внутренний механизм таких взаимосвязей в том, что повторяющиеся внешние события вызывают повторение определенного состояния человека, приводящее к повышению его устойчивости и долгосрочному закреплению в личности как свойства. Однако важно и нетривиально, что и однократные, но очень значимые (напр., травматические) ситуации могут вызывать повторные мысли и чувства о них и в результате тоже приводить к изменению личности (Jayawickreme, Blackie, 2014).

В настоящее время парадигма динамичной природы личности активно развивается. Долгосрочные конструктивные изменения личностных свойств человека происходят под влиянием успешной психотерапевтической работы с ним (Terracciano et al., 2008). Деструктивная их динамика все чаще наблюдается у молодежи под влиянием зависимости от социальных медиа: фрагментация чувства «Я» с невозможностью интегрировать его в целостную структуру и даже полная его потеря. Это стало известно в психотерапии как феномен новой современной неклинической деперсонализации (Журавлева, 2018).

Установлены изменения в состояниях стресса и счастья (по отношению к повседневности) Я-концепции, диагностируемой методикой экспрессивных метафорических проективных рисунков с их письменными комментариями. Выделены характеристики представлений испытуемых о структуре Я-Мир-Тело-Душа, рассматриваемые как параметры структуры личности: независимость, открытость, активность, доминантность и напряженность. Напряжённость была максимальна в состоянии стресса и минимальна в состоянии счастья, а открытость и независимость – наоборот (Нагибина, Титов, Титова, 2015).

Ведутся многочисленные исследования проявления свойств личности в стрессогенных и неопределенных ситуациях, типичных для современной жизни. Активизируются исследования в области психологии транзитивности. Сложные изменения мира условно разделяются на резкие и стремительные изменения (жесткая транзитивность) и постепенные, но неотвратимые (мягкая транзитивность) (Марцинковская, 2015). Резкие изменения уклада жизни, взглядов, ценностей, принципов произошли в России в 90-х годах XX века. Жесткая кризисная ситуация всегда требует от людей повышенной жизненной и эмоциональной устойчивости, которая есть не у всех. Но, несмотря на стремительность событий, происходящих при жесткой транзитивности, психологически они иногда переносятся легче, чем длительные изменения, т.к. в критической ситуации мобилизуются силы организма, повышается его устойчивость к внешним воздействиям, сохраняется надежда на скорый выход из кризиса. Мягкая транзитивность предполагает затяжные стрессы, при которых организм теряет ресурсы и переходит на стадию истощения. После кризиса 90-х годов общество перешло в период мягкой транзитивности: в результате изменения становятся менее кардинальными, но остаются такими же неотвратимыми, как и 20 лет назад (Марцинковская, 2015). В связи с этим, изучается преодоление негативных последствий транзитивности (Гришина, Костромина, 2017; Карабанова и др., 2017). Пандемия COVID-19, безусловно, является стрессогенным фактором. Период карантина можно считать проявлением мягкой транзитивности, т.к. точно предсказать окончание эпидемии пока трудно.

Определены характеристики, которые входят в личностный потенциал человека и способствуют преодолению стресса: интернальный локус контроля, удовлетворенность жизнью, осознанность, жизнестойкость. В противоположность перечисленным, внешние мотивы, повышенная лабильность, импульсивность, социальная желательность приводят к усугублению стрессогенной ситуации, повышению уровня негативных эмоций, способствующих усугублению стресса и нарушению оптимального личностного функционирования, тогда как эксплицитные и, в особенности, имплицитные положительные эмоции помогают конструктивному преодолению стресса (Митина и др., 2019).

В русле исходной традиции рассматривать свойства личности как инварианты разработаны многочисленные методики для их определения, проверявшиеся на надежность путем ретестирования испытуемых через промежутки времени. Высокая надежность ставших авторитетными методик означает устойчивость диагностируемых с их помощью свойств во времени. Однако такие проверки, как правило, не проводились в особых, нетипичных, чрезвычайных условиях, при изменении значимых условий жизни испытуемых. Именно такие изменения произошли при эпидемии ковид и карантине. Поэтому оценка устойчивости свойств личности в особых условиях требует специального изучения. Ведь ядро личности, проявляющееся, в частности, в ряде ее свойств, это ценностные-смысловые-мотивационные факторы. Авторам представляется, что в период пандемии субъективная иерархия этих

факторов, и далее проявление соответствующих личностных свойств могут в какой-то степени изменяться под влиянием непредвиденного глобального стресса, серьезно изменившего жизнь людей. Ведь уже не раз отмечалось, что при нарастании социальной динамики и неопределённости происходят трансформации норм, ценностей, правил поведения, что ведет к изменениям личностной идентичности (Белинская, 2018; Марцинковская, 2014). Более того, давно подчеркивается процессуальность баланса стабильности/лабильности Я-структур, их постоянное балансирование (Tajfel, Turner, 1986), не прекращающаяся переоценка субъектом самоидентичности (Breakwell, 2010).

Известна теоретически важная проблема индивидуальной устойчивости-мобильности ряда стилевых образований психики, в частности, когнитивных стилей, разные параметры которых обнаруживают разную степень стабильности. Те из них, которые в наибольшей степени проявляются в уровне когнитивного функционирования (и потому сказываются на эффективности деятельности), могут быть мобильными в области показателей, близких к полюсам, соответствующим высокому уровню, и жесткими — в области, близкой к низкоуровневым полюсам (Холодная, 2004). Так, Уиткин (Witkin et al., 1974) описывает способность полнезависимых лиц при необходимости использовать стратегии, свойственные полнезависимым, тогда как последние не имеют когнитивных ресурсов для перехода на «полнезависимые» стратегии. Можно ожидать подобную тенденцию также для флексибильности-ригидности и когнитивной сложности/простоты. При изменении задачи стратегии лиц, характеризующихся экстремальными значениями высокоуровневых полюсов когнитивных стилей (полнезависимости, когнитивной сложности, узкого диапазона эквивалентности), менее мобильны и адаптивны, чем у тех, у кого показатели стилей более умеренны, но приближаются к этим полюсам (Шкуратова, 1994). Последних Уиткин характеризовал как полнезависимых–флексибильных, а экстремально–полнезависимых — как полнезависимых–ригидных (см.: Globerson, 1983). Обнаружена мобильность стиля при изменении характеристик деятельности субъекта: при успехе в решении мыслительных задач растет индивидуальный уровень полнезависимости, при неуспехе — полнезависимости (Селиванов, 2003). Эти результаты принципиальны в плане исследования назревшей проблемы изучения зависимости стиля от задачи и деятельности человека (Скотникова, 2008). По аналогии, нельзя исключить разную степень индивидуального постоянства/динамичности стилей саморегуляции поведения.

Приведенные литературные материалы убедительно свидетельствуют о том, что на смену представлениям об инвариантности черт личности пришли представления о ее процессуально-динамической природе. Принципиально, что любой психический объект — это сложная многомерная система, поэтому его поведение имеет нелинейный характер. Это относится и к индивидуальным особенностям, в силу чего нельзя ожидать их постоянно одинакового проявления (Холодная, 2020). При этом разные индивидуально-личностные и стилевые свойства обнаруживают разные степени устойчивости и изменчивости.

Вопрос о том, что должно лежать в основе типологий личности, остается дискуссионным. Конструктивным подходом является рассмотрение взаимодействия биологических и средовых факторов с активностью самого человека (Volkova, Kalugin, 2021), что отвечает ключевой идее инициативности субъекта как автора своей психической деятельности (Брушлинский, 2003). Исследования «само-процессов» отражают понимание его активной роли в своем развитии, изменении собственной личности и жизненной ситуации (Гришина, 2018). Обосновано, что типология должна не сводиться к биологическому

описанию темпераментальных черт, а отражать многоуровневость характеристик личности. При этом их внутри уровневая устойчивость и межуровневая гибкость обеспечивают адекватное приспособление человека к изменениям среды и в то же время общую стабильность поведения (Volkova, Kalugin, 2021). Эта позиция в духе принципиального философского шага, совершенного С.Л. Рубинштейном в понимании диалектического соотношения стабильности и динамичности психического в отличие от их противопоставления. Личность существует в процессе постоянных изменений жизни, но происходит воспроизведение общего внутри изменяющегося, а не изменение как противопоставление сохранности (Рубинштейн, 1997).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. 1-ое изд.: М.: Изд-во ЛГУ, 1968; 2-ое изд.: СПб.: Питер, 2001.
- Анцыферова Л.И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37-50.
- Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1.
- Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [II Приглашение к диалогу] // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под ред. А.Г. Асмолова. 2018. С. 13-26.
- Батаршев А.В.* Тестирование – основной инструментарий практического психолога. М.: Дело, 2001.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А.В.* Целостность субъекта — основание для системности всех его качеств // Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 510–523.
- Гришина Н.В.* «Самоизменения» личности: возможное и необходимое // Вестник СПбГУ. Сер. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 126-138.
- Гришина Н.В., Костромина С.Н.* Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1.
- Гусев А.Н., Уточкин И.С.* Психологические измерения. Теория, методы. М.: АСПЕНТ ПРЕСС, 2011.
- Журавлева Ю.В.* Феномен новой современной неклинической деперсонализации: кризис идентичности в условиях медиа пространства // Личность в эпоху перемен: Mobilis in mobili: / Под ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 117-120.
- Карбанова О.А., Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Молчанов С.В., Садовникова С.В.* Типы отношения к материнству и родительской позиции у девушек в период вхождения во взрослость // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. С. 9.
- Корнилова Т.В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n31/883-kornilova31.html>. (25.11.2013)
- Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3-27.

- Леонтьев Д.А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3-15.
- Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 1998.
- Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3-22.
- Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1.
- Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Миронова Е.Е.* Опросник САН (самочувствие, активность, настроение) // сборник психологических тестов. Часть 1: Пособие. М.: ЭНВИЛА, 2005. С. 19-20.
- Митина О.В., Пернер А.М., Абдуллаева Л.Ш.* Исследование взаимосвязи личностных характеристик и динамики эмоциональной сферы в ситуации длительного стресса // Психологические исследования (электронный журнал). 2019. Т. 12. № 63. С. 6.
- Моросанова В.И.* Стиль саморегуляции поведения (ССП). Методическое пособие. М.: Когито-Центр, 2004.
- Нагибина Н.Л., Титов А.В., Титова Ж.Г.* Представления человека о структуре «Я-Мир-Тело-Душа» в разных эмоциональных состояниях // Человек, Искусство, Вселенная. М.: «Центр развития человека», 2015. С. 91-96. ISSN 2411-5916.
- Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 47-83.
- Первичко Е.И., Митина О.Б., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А.* Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 119-146.
- Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019. 576 с. ISBN 978-5-288-05970-4
- Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А.* Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90-108.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. 2-е изд. М.: Наука, 1997.
- Русалов В.М.* Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 83–91.
- Русалов В.М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2012.
- Селиванов В.В.* Мышление в личностном развитии субъекта (2-ое изд.). Смоленск: Универсум, 2003.
- Скотникова И.Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2008.
- Скотникова И.Г., Егорова П.И., Дубинская Ю.Л., Жиганов Л.С.* Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии covid-19 // «Социальная и экономическая психология». 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 245-268.
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70-89.

- Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 193-197.
- Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Переживание неопределенности, беспокойства, тревоги в условиях COVID-19. http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html 2020.
- Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 1-ое изд. М.: Per Se, 2002. 2-ое изд. СПб.: Питер, 2004.
- Холодная М.А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020, Т. 41. № 3. С. 18–31.
- Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71-77.
- Шкуратова И.П. Когнитивный стиль и общение. Ростов н/Д: Изд-во РПУ, 1994.
- Globerson T. Mental capacity, mental effort and cognitive style // *Developmental Review*. 1983. V. 3. P. 292–302.
- Jayawickreme E., Blackie L.E. Post-Traumatic Growth as Positive Personality Change: Evidence, controversies and future directions // *European Journal of Personality*. 2014. No. 28. P. 312-331.
- Kogan N. Personality and Aging // J.E. Birren, S.W. Schaie (eds.) *Handbook of the psychology of aging*. San Diego: Academic Press, 1990. P. 330-346.
- Roberts B.W., Walton K.E., Viechtbauer W. Patterns of Mean-Level Change in Personality Traits across the Life Course: A meta-analysis of longitudinal studies // *Psychological Bulletin*. 2006. V. 132. № 1. P. 1-25.
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago, 1986. P. 7-24.
- Terracciano A., McCrae R.R., Costa P.T. Jr. Personality Traits: Stability and Change with Age // *Geriatrics and Aging*. 2008. V. 11. № 8. P. 474-478.
- Volkova E.V., Kalugin A. Yu. Typology of individuality: problems and solutions // *Natural Systems of Mind*. 2021. V. 1. No. 1. P.
- Witkin H.A., Dyk R.B. et al. *Psychological differentiation: Studies of development*. N.Y.: Wiley, 1974.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Авторы выражают признательность М.А. Холодной, Е.В. Волковой, А.Н. Гусеву за полезные обсуждения материалов статьи.